

Придя на встречу с Элиной Быстрицкой, я умудрилась совершить сразу три ошибки. Для начала знакомства, хотя бы и делового, это чересчур. Во-первых, взяла магнитофон со старыми батарейками, которые тут же сели. Во-вторых, отказалась от предложения выпить чашку кофе или чаю. А чашка чаю для женской беседы значит ничуть не меньше, чем стопка чего-нибудь покрепче для мужской. И, наконец, с порога призналась, что боюсь собак, тем самым отрезав себе возможность подружиться с трогательным пикинесом Фифи. Фифи закрыли в комнате, ее силуэт просвечивал сквозь стеклянную дверь, она обиженно ныла. Мне стало стыдно, но, поверьте, я же не знала, что «собаке» всего два месяца! У Фифи оказалась потрясающая история. Ее мне рассказали на прощание...

Известен эпизод с Фаиной Георгиевной Раневской. Упав однажды на улице, она позвала милиционера: «Молодой человек, дайте руку! Народные артистки на улице не валяются!» Но, похоже, кое-где и народные «валяются». Элину Быстрицку не часто увидишь в ее родном Малом театре. Это не означает, что у нее вообще нет ролей, они есть и, можно сказать, царские. Это императрица Екатерина в «Виват, императрица» (спектакль шел всего два раза в Коломенском и 1 раз в Кремлевском Дворце Съездов, но его успели посмотреть около двадцати тысяч человек). Это княгиня Ольга в фильме Булата Мансурова «Теплые ветры древних булгар и руссов». Но фильм еще не закончен, съемки идут уже третий год и останавливаются, когда заканчивается очередная порция денег.

Поклонники скоро смогут увидеть ее в спектакле театра имени Ермоловой «Перекресток» (продолжение старой, но не забытой «Варшавской мелодии» Леонида Зорина). В своем же театре она пятнадцать лет (!) без премьеры. Пять лет назад ее ввели в «Дядюшкин сон» на роль Москалевой. Играет в очередь с другими двумя актрисами. Но ввод – всего лишь ввод. Известно, что актеры вводиться не любят: роль-то строилась не на них, а на первого исполнителя.

– Так валяются или не валяются народные артистки, Элина Авраамовна, если вы выходите на сцену раз в полтора месяца?

– У нас в Малом, значит, валяются, – смеется она. – Репертуар у нас в основном мужской.

– В мировой драматургии мужских ролей больше, чем женских. Антрепренеры когда-то так и набирали труппу: актеров-мужчин вдвое больше, чем актрис...

– Однако во МХАТе имени Горького преобладает женский репертуар.

– Может, виноват ваш характер, про который поговаривают: «не сахар»?

– Так получилось, что в своем театре я сейчас не востребована. Причины тому разные. Бывает, что не всегда понимаю режиссера, а мне обязательно надо понять, что от меня хотят. Характер, вы говорите? Ну, было, что я отказалась от работы в спектакле. Получилось так, что сначала заболела я сама, потом другой актер, потом... третий – Саша Овчинников – заболел и умер. Когда партнера теряешь, тем более любимого (он играл моего сына в «Без вины виноватых»), это трагедия. Я не смогла продолжать работу.

– Существует ли в вашем театре соперничество между актрисами?

– По-разному. Бывает, что играю одну роль с кем-то и остаюсь в прекрасных отношениях. А бывает и наоборот: только успеют назначить на роль, как моментально портятся отношения. Могут даже перестать здороваться. Все зависит от характера.

– Что вы можете сказать о собственном характере?

– Ничего. Себя трудно определить. Я могу быть необъективной.

– Ходят слухи, что вы «боитесь сцены». И это после сорока лет работы в Малом! Неужели сейчас боитесь больше, чем в самом начале.

– И сейчас не боюсь, и тогда не очень-то боялась. Я до Малого играла в Вильнюсском русском театре. Главные роли: Таню Арбузова, Ольгу в его же пьесе «Годы странствий», Варю Белую в «Порт Артуре» Степанова... Помню один из моих первых спектаклей в Малом. Стою за кулисами и смотрю на Веру Николаевну Пашенную (я всегда, когда она играла, смотрела за ней из кулис). Стою и думаю: хоть всю жизнь ожидать минутного выхода, хоть «кушать подано», а все равно буду в Малом!

– За вами прочно закрепилась слава красавицы. Это накладывает большие самоограничения?

– Эта «красавица» очень раздражает, когда слышу про себя. Значит, сказать больше нечего?! Разве это главное?

– А что главное? Что в актере должно быть обязательно?

– Помимо общепринятых (темперамент, возбудимость и т.д.) есть обязательные: хорошая речь, пластика. Тогда многому можно научиться. Но если нет данных – хоть

всю жизнь учишься, добивайся, успеха не будет. Но главное – призвание. Профессия есть у многих актеров, призвание не у всех.

– У вас сейчас бывают творческие вечера, встречи со зрителями?

– Бывают, но редко: организаторы предпочитают эстрадные шоу.

– Если у вас нет ни съемок, ни концертов, наверно, трудно прожить на актерскую зарплату? Даже на зарплату народной артистки...

– Сейчас всем трудно, всему народу, так что не будем говорить обо мне. Слышали поговорку: на миру и смерть красна?

– Ваша профессиональная жизнь началась не с театра, а с военного госпиталя. Для тринадцатилетнего ребенка это тяжелое испытание. Какое у вас самое страшное воспоминание о войне?

– Не самое страшное, а самое сильное... Рельсы. На рельсах стоит развороченный бомбами или снарядами пульмавский вагон. Черная обугленная стель и до самого горизонта – белые треугольнички. Солдатские письма. Их выбрасывает воющий ветер. И запах гари... Помню, как мы ждали писем с фронта: папа в то время пропал без вести. Как ждала наша квартирная хозяйка тетя Катя! Четыре ее сына и муж были на фронте, и такой белый треугольничек мог означать все... Страшного было много, но потом стерлось, даже еще до конца войны. Мы в госпитале привыкли к крови, грязи, столам – ко всему. Артобстрел – а люди спят, не бегут в убежище. Убьют так убьют.

– Ваша биография, ваш поиск профессии (медицина, педагогика, театр) говорят о незаурядной силе характера. Скажите, вы умеете настоять на своем или способны на компромиссы?

– За компромиссы судьба наказывает. Я это по себе знаю. Когда-то мне предложили сняться в фильме «Русский сувенир». Я не хотела, роль мне не нравилась. В это время в том же самом кинообъединении запускался фильм, в котором я очень хотела сыграть. Мне было сказано: «Мы вам можем помочь совместить, но можем и помешать.» И я согласилась. Когда пришло время совмещать, меня не пустили туда. Я очень горевала по этому поводу... Пока не сделала для себя вывод: железной быть нельзя, но и компромиссы в искусстве наказуемы.

– Обычно артисты сверхэмоциональны и не способны подчинить себя голосу разума. Что в вас преобладает: рациональное или иррациональное? Как сказал бы психолог, какое полушарие ведущее – левое или правое?

– Я изучала медицину, изучала психологию как науку. Что правое полушарие эмоциональное, а левое – логическое, отвечающее за наши решения – это разговоры. Что-бы ведущим было всегда одно, а другое – ведомым, этого не может быть. Не может быть! Это не человек тогда, а машина!